

Вырезка из газеты

МАРИЙСКАЯ ПРАВДА

г. Йошкар-Ола

14 МВБ 1985

Штрихи к творческому портрету

ПОСЛЕ летних гастролей Михаил Аверченко обычно уезжает в Латвию, в маленький поселок Вецслабада, где его дожидается старушка-мать. Он заготавливает для нее дрова и сено, копает огород. Помогает и другим старым женщинам, солдатским вдовам, чье хозяйство тоже нуждается в добром мужском догляде.

А на прощанье он всегда дает в клубе совхоза «Истра» концерт своим землякам. На этот раз концерт был особенно удачным, потому что вместе с ним пела его жена Зоя Басова и приехавшая погостить к ним еще одна певческая пара — солдаты про-

оплакивать смерть отца. Ранним утром Мишину мать вместе с другими женщинами угоняли на фабрику. Они делали там бахилы из соломки: эрзац-обувь для солдат. Но все-таки вечером и ночью она была с ним. Совсем худо стало, когда ее угнали в Германию. Одиноким шестилетний мальчишка в страшном лагерном баранке!

К счастью, уже близко была наступавшая Советская Армия. В сентябре 1944 года освобожденных уцелевших ребятишек вывезли в детский дом города Риги.

Разговаривать об этом с Михаилом Константиновичем нелегко. Чувствуется,

старшие товарищи посоветовали попробовать сдать экзамен в Ленинградскую консерваторию. Он успешно прошел все три отборочных конкурса. «Теперь осталось самое легкое — история музыки и сольфеджио», — сказали ему. Но Миша никогда не слышал о таких предметах.

И все-таки молодого слесаря приняли в консерваторию. Два года проучился на подготовительном курсе, еще пять — на основном. В Йошкар-Олу приехал сразу же после окончания консерватории. Здесь только что начал организовываться му-

гаро на сцене, когда раздалась знаменитая его каватина, становилось ясно: он тот, кого все ждали. Сильный, гибкий голос, осязающая энергия, своеобразное изящество простоты. В Фигаро — Аверченко чувствовалась основательность, присущая человеку из народа. Он словно не знал усталости, этот ловкий, неутомимый крепыш в красной косынке, с мандолиной в руках. Артист отлично справился с этой ролью очень широкого диапазона, требующей умения точно распределить свои силы.

С большим увлечением рассказывает Аверченко о своей работе над созданием образа Риголетто:

— Работа над образом Фигаро многому научила меня. И когда я начал «ощущать себя» мрачным, униженным всеми шутком, я уже не столько думал о приемах внешнего перевоплощения, сколько доверился музыке. И сна, эта чудесная, полная драматизма музыка Д. Верди, помогла нанти и внешние краски, подсказала логику сценического существования.

Мы, артисты, многое можем сказать не только утверждением, но и отрицанием. Вот я играю мрачного Скарпиа в опере Д. Пуччини «Тоска». Очень сложная, психологически насыщенная партия! Какие темные силы, неутоленные страсти кипят в мрачной душе Скарпиа! Воплощая этот образ, я поднимаю свой голос, актера-гражданина против темных сил реакции, помогаю своим слушателям утвердиться в мысли, как отгаливующие своекорыстие, опирающиеся на произвол. Сколько таких Скарпиа до сих пор остались в сегодняшнем сложном, неспокойном мире, где новые маньяки вынашивают свои человеконенавистнические планы. Люблю свою небольшую роль Самбрера в спектакле «Любить воспрещается», где звучит жизнеутраченная, светлая музыка А. Эшпая.

— Михаил Константинович, извините, что я напоминаю вам о грустных обстоятельствах вашей жизни. Но все-таки хочу спросить: вам довелось в послевоенное время побывать в Саласпилсе?

— Несколько раз приезжал туда. Прошлой осенью — с женой. Там сейчас мемориал. На месте барак — железные решетки, символ неволи. И над всем этим мемориалом, над молодым лесочком, поднявшимся на месте пустыря, слышится звук биения детского сердца. Оно звучит с остановками, то замирая, то вновь набирая силу, это детское замученное сердце. Какое волнующее напоминание о войне!

Все дальше отдаляются те дни, когда мне довелось быть маленьким узником Саласпилса. Стираются из памяти лица людей, которые были рядом со мной. Но не стирается чувство благодарности нашим освободителям и чувство гордости за наше советское искусство, которое служит миру.

Б. ПОМОРЦЕВА,
театровед.

На снимке: заслуженный артист МАССР М. Аверченко.

НАВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

славянского Большого театра СССР Лидия Ковалева и Лев Кузнецов. Аккомпанировал виолончелинец Николай Емельянов.

Районная газета отозвалась на это большой статьей. Она писала о том, что труженики совхоза «Истра», как и все жители Вецслабада, признательны своему земляку, который каждый год радуется их своим искусством. И все-таки на этот раз отчет о концерте звучал особенно взволнованно. Но дадим слово латвийскому журналисту из газеты «За победу коммунизма»:

«Истринцы вместе со всеми тружениками района только что отпраздновали 40-летие освобождения от немецко-фашистских оккупантов. В зале клуба совхоза всего лишь полтора года назад проходила научно-практическая конференция, посвященная Вецслабадской партизанской операции, когда объединенные силы русских, белорусских, латышских и литовских партизан разгромили в Вецслабаде волостную управу, полицейский участок, разгромили фашистских приешников... Фашисты мстили местным жителям как могли. За связь с партизанами была арестована семья Аверченко. Отец Миши Константин Петрович Аверченко был убит фашистами, его мать Апполония Константиновна пережила террор фашистских лагерей смерти. Сам Миша чудом уцелел».

Так вот о чем рассказала газета! Я не раз была на квартире у приватизных, преданных искусств певцов музыкального театра МАССР Зои Басовой и Михаила Аверченко, видела висевшую на стене эмблему мемориала, имя которому «Саласпилс», но не знала, что в этом лагере смерти довелось когда-то томиться шестилетнему мальчишке, спать там со своей матерью на нарах в три яруса, голодать, вздрагивать от звуков выстрелов,

что до сих пор не затихла в его душе незаживающая рана: память об отце, который навсегда остался молодым, о детях, бывших его сверстниках, которым не суждено было дожидаться свободы.

— Я вам лучше расскажу о том, как мне повезло, — говорит Михаил Аверченко. — Когда нас определили в детский дом, все мы мечтали, что отыщется родная душа. О встрече с матерью я не мечтал, считал ее погибшей, но вот однажды слышу: тебя спрашивает какой-то мужчина. Выбегаю — дядя! Брат погибшего отца только что демобилизовался, но дороге домой решил сделать крюк: он уже знал, что я нахожусь в детдоме. Я сразу попросил его: «Возьми меня к себе». Он говорит: «Рад бы, брат, да у меня, ты знаешь, своих шестеро. Жене и так трудно достается». Посмотрел дядя на нас, ребятишек, развязал свой «сидор», отдал сначала сахар, потом консервы, потом вытряхнул остальное, поцеловал меня и пошел, не оглядываясь. А через некоторое время смотрю — возвращается. Молча взял меня за руку и повел с собой. Жена его за это не ругала.

Так очутился я в большой семье колхозника Проучилась в школе всего шесть лет, надо было скорее становиться на ноги. Дядя определил меня в ремесленное училище, стал я учиться на слесаря по ремонту вагонов. По вечерам доучивался в школе рабочей молодежи.

На рижском заводе, где Михаилу пришлось потом работать, был вокально-инструментальный ансамбль со звонким названием «Дзинтарис». В коллективе быстро узнали, что у Аверченко сильный, красивого тембра голос, и парня привлекли туда солистом Ребята выступали в цехах своего завода, на соседних предприятиях, в колхозах.

зыкальный театр. Михаил Аверченко был одним из тех, кто стоял у его колыбели. Сколько раз приходилось слышать слово «первый»! Первая национальная опера «Аяпатыр», в которой молодой певец играет попеременно две разноплановые роли: то романтического, влюбленного парня Эвая, то старого богача Сави.

Почти одновременно довелось выступать в спектаклях так называемого «легкого жанра», который, как известно, очень нелегко дается оперным солистам. Сегодня он Иабло в «Поцелуйе Чаниты» Ю. Милютина, завтра — Антон в оперетте А. Петрова «Верка и алые паруса». Кроме таких лирических ролей, много острохарактерных, иногда буффонадных: дежурный в «Летучей мыши» И. Штрауса, Пенижек в «Марице» И. Кальмана.

— И все-таки самые любимые мои герои принадлежат опере, — рассказывает Михаил Константинович Аверченко. С наслаждением играл Роберто в «Юланда», Сильвио — в «Паяцах»! До сих пор помню волнение, которое охватило меня, когда режиссер Г. Варышев предложил мне роль Фигаро в «Севильском цирюльнике». Можно не сомневаться, что у всех сидящих в зале уже давно сложился свой образ Фигаро, навеянный книгами, спектаклями, телепередачами. Удастся ли мне создать убедительный образ этого наемщика и ловкача, мастера и поэта, всегда поспевающего туда, где нужно встать на защиту справедливости, ободрить обиженных. До сих пор не знаю, удалось ли справиться с этой работой...

Людам, подлинно преданным искусству, всегда присуще такое благодарное сомнение. Но у зрителей и слушателей сомнений не было. С первого же появления Фи-